

DOI 10.35775/PSI.2026.126.2.031

УДК 62

СУНЬ ГУАНЯ

бакалавр, Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва
E-mail: 1534776518@qq.com

О ДВОЙСТВЕННОМ ВЛИЯНИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ БПЛА НА ГЛОБАЛЬНУЮ СТРАТЕГИЧЕСКУЮ СТАБИЛЬНОСТЬ

В статье рассматривается двойственное воздействие пролиферации беспилотных летательных аппаратов на глобальную стратегическую стабильность в условиях полицентричной международной системы и ускоряющейся технологической динамики. Показано, что эволюция БПЛА от разведывательных платформ к ударным и частично автономным комплексам размывает границы между тактическим и стратегическим применением силы, формируя стратегическую неопределенность и «серые зоны» права. Многофункциональность дронов осложняет интерпретацию намерений противника и повышает риски ошибочной эскалации, а снижение политико-психологической цены применения силы вследствие отсутствия угрозы для экипажей способствует нормализации состояния перманентного силового давления. Отдельно анализируется перераспределение возможностей в пользу малых государств и негосударственных акторов, для которых коммерческие компоненты и массовость применения превращаются в инструмент дестабилизации и экономического истощения противника. Одновременно подчеркивается потенциальная стабилизирующая роль беспилотных средств как инструмента мониторинга и верификации при наличии согласованных режимов доверия. Обоснована недостаточность существующих механизмов контроля над вооружениями и необходимость нормативного закрепления значимого человеческого контроля в контуре принятия летальных решений.

Ключевые слова: мировая политика, полицентричная мировая систем, БПЛА, стратегическая стабильность, эскалация, контроль над вооружениями, автономные системы, малые государства, негосударственные акторы, международное право.

Введение. Трансформационные процессы, протекающие в архитектуре международной безопасности на современном этапе, характеризуются фундаментальным пересмотром устоявшихся представлений о механизмах сдерживания и эскалации. Появление и стремительное распространение беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) различного класса стало катализатором изменений, затрагивающих саму онтологию вооруженного конфликта, где стирается грань между тактическим и стратегическим уровнем применения силы. Если в эпоху

холодной войны стратегическая стабильность обеспечивалась преимущественно ядерным паритетом и предсказуемостью поведения сверхдержав, то современная полицентричная система сталкивается с вызовами, порождаемыми доступностью высокотехнологичных средств поражения для широкого круга акторов, включая негосударственные образования [8. С. 53-58]. Технологический детерминизм, пронизывающий современные дискуссии о будущем войны, часто затеняет глубокие политические и социально-гуманитарные последствия, которые несет с собой «беспилотная революция», меняющая психологию принятия решений лидерами государств и военачальниками. Мы наблюдаем феномен, когда снижение порога применения силы, обусловленное отсутствием риска для собственных пилотов, входит в противоречие с необходимостью поддержания статус-кво в нестабильных регионах, создавая новые спирали эскалации, которые не описываются классическими моделями [9. С. 4-8].

Эволюция беспилотных систем прошла путь от сугубо разведывательных платформ до ударных комплексов стратегического назначения, способных проецировать силу на значительные расстояния и оказывать влияние на критически важную инфраструктуру противника. Этот переход порождает ситуацию стратегической неопределенности, поскольку традиционные системы противовоздушной обороны и методы контроля над вооружениями, разработанные в прошлом веке, оказываются малоэффективными против роев дронов или барражирующих боеприпасов, действующих в «серых зонах» международного права. Гуманитарный аспект данной проблемы заключается не только в этических дилеммах, связанных с дистанционным насилием, но и в изменении восприятия войны обществом, для которого конфликт превращается в технологическое зрелище, лишенное эмпатии и осознания трагизма происходящего [12. С. 15-21]. Опасность заключается в иллюзии стерильности и хирургической точности войны, что может провоцировать политические элиты на более авантюрные внешнеполитические шаги, игнорируя долгосрочные последствия дестабилизации целых регионов.

Вместе с тем, распространение технологий БПЛА оказывает двойственное воздействие на глобальную безопасность, выступая одновременно и как фактор дестабилизации, и как инструмент, потенциально способствующий повышению прозрачности и управляемости кризисных ситуаций. С одной стороны, асимметрия возможностей нивелируется, позволяя малым государствам и иррегулярным формированиям наносить болезненные удары по превосходящему противнику, что подрывает традиционную иерархию силы в международных отношениях [6. С. 36-45]. С другой стороны, возможности постоянного мониторинга и верификации, предоставляемые беспилотными платформами, могут снижать риск внезапного нападения и способствовать укреплению мер доверия, если они интегрированы в соответствующие международно-правовые режимы. Сложность заключается в том, что скорость технологического обновления значительно опережает темпы адаптации нормативной базы и стратегического мышления, создавая вакуум, который заполняется ситуативными решениями

и практиками, часто противоречащими принципам гуманизма и права вооруженных конфликтов.

Феномен пролиферации дронов следует рассматривать через призму изменения самой природы суверенитета, так как контроль над воздушным пространством перестает быть абсолютной прерогативой государства, обладающего развитой авиацией. Нарушение воздушных границ становится более частым, труднодоказуемым и менее рискованным, что размывает понятие территориальной целостности и создает прецеденты безнаказанного вмешательства во внутренние дела. Это ведет к фрагментации глобального пространства безопасности, где локальные конфликты с применением БПЛА могут быстро перерасти в региональные войны с вовлечением внешних спонсоров, использующих данные технологии для ведения прокси-войн [13. С. 1-2]. В этом контексте особую значимость приобретает анализ того, как различные культуры стратегического планирования адаптируют новые возможности под свои геополитические амбиции, и как это влияет на общий баланс сил в мире, который становится все более хрупким и зависимым от технологических переменных.

Материалы и методы исследования. Методологический каркас работы базируется на сочетании неореалистического подхода к анализу международных отношений и конструктивистской парадигмы, позволяющей оценить влияние технологий на формирование смыслов и норм в сфере безопасности. Исследование опирается на комплексный анализ доктринальных документов ведущих военных держав, включая США, Китай, Российскую Федерацию, Турцию и Иран, с целью выявления различий в концептуализации роли беспилотных систем в национальной стратегии. Эмпирическую базу составил массив данных, включающий более 150 источников, среди которых официальные отчеты министерств обороны, аналитические записки ведущих «мозговых центров» (think tanks), тексты международных конвенций и протоколов, а также материалы экспертных дискуссий по проблемам разоружения и нераспространения. Применялся метод сравнительного кейс-стади для анализа конфликтов последнего десятилетия, где применение БПЛА носило массовый и системообразующий характер, что позволило выявить закономерности изменения тактики и оперативного искусства [18. С. 95-96].

В рамках работы использовался метод контент-анализа для обработки дискурса, связанного с этическими и правовыми аспектами применения автономных систем вооружения, что позволило структурировать основные аргументы сторонников и противников роботизации войны. Особое внимание уделялось изучению технической документации и тактико-технических характеристик современных БПЛА для понимания пределов их возможностей и потенциала модернизации, однако данный анализ проводился исключительно в качественном ключе, без углубления в инженерные детали, с фокусом на стратегические импликации. Источниковая база также включает работы теоретиков войны, философов техники и юристов-международников, чьи концепции помогают осмыслить гуманитарное измерение технологического прогресса в военной

сфере. Системный подход позволил рассмотреть объект исследования как целостную совокупность взаимосвязанных элементов – технологий, доктрин, правовых норм и политических решений [4. С. 11-19].

Исследование также включало ретроспективный анализ эволюции режимов контроля над вооружениями, в частности Режимы контроля за ракетными технологиями (РКРТ), для оценки его применимости к современным реалиям распространения беспилотных систем. Была сформирована выборка экспертных оценок касательно перспектив разработки летального автономного оружия (LAWS), что позволило спрогнозировать возможные сценарии развития стратегической обстановки на ближайшие десятилетия. Методологическая строгость обеспечивалась перекрестной проверкой данных из различных источников и критическим осмыслением ангажированных нарративов, присутствующих в публичном пространстве. Применение историко-генетического метода дало возможность проследить трансформацию понятия «стратегическая стабильность» под влиянием внедрения новых типов вооружений, выявив преемственность и разрывы в военно-политической мысли [11. С. 155-158].

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [2; 3; 10; 14; 16; 17; 19; 20; 21; 22].

Однако проблему влияния новых технологий и беспилотных летательных аппаратов на глобальную стратегическую стабильность нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Результаты и обсуждение. Современный дискурс о стратегической стабильности сталкивается с серьезной терминологической и концептуальной неопределенностью, когда речь заходит о классификации и роли беспилотных систем в эскалационной лестнице. Традиционные категории, разделяющие тактические и стратегические вооружения, оказываются размытыми, так как один и тот же аппарат может выполнять функции разведки, целеуказания или нанесения удара в глубоком тылу противника, меняя характер угрозы в зависимости от полезной нагрузки и полетного задания. Эта многофункциональность создает «серую зону» в восприятии намерений противника, что критически важно для механизмов кризисного реагирования. Отсутствие единого глоссария и общепринятых определений в гуманитарном и правовом поле усложняет выработку верифицируемых соглашений, что требует детального рассмотрения существующих подходов к пониманию сущности беспилотных систем в контексте стратегической теории (табл. 1).

Таблица 1. Концептуальные подходы к определению роли БПЛА в стратегическом дискурсе

Критерий сравнения	Техноцентрический подход	Геополитический подход	Гуманитарно-правовой подход
Ключевая дефиниция	БПЛА как платформа-носитель сенсоров и вооружения, элемент сетецентрической войны	БПЛА как инструмент проекции силы и расширения сферы влияния без физического присутствия	БПЛА как объект регулирования МГП, создающий риски для гражданского населения и размывающий ответственность
Восприятие угрозы	Зависит от ТТХ (дальность, незаметность, автономность) и интеграции в систему управления	Зависит от политических целей актора и способности изменять баланс сил в регионе	Связано с снижением порога применения силы и дегуманизацией процесса убийства
Роль в сдерживании	Обеспечение превосходства в информационном пространстве и высокоточное поражение (denial)	Создание постоянного давления на оппонента и возможность скрытых операций (proxy warfare)	Вызов принципам пропорциональности и различию комбатантов и некомбатантов
Отношение к автономии	Стремление к полной автоматизации процессов OODA-петли (наблюдение-ориентация-решение-действие)	Рассмотрение ИИ как фактора стратегического превосходства и гонки вооружений	Требование сохранения значимого человеческого контроля (human-in-the-loop) над летальной силой

Представленная систематизация подходов демонстрирует глубинный разрыв между техническими возможностями и их нормативным осмыслением, где техноцентрический взгляд фокусируется на эффективности, а гуманитарный – на последствиях для человеческого измерения войны. Техноцентрическая оптика часто игнорирует тот факт, что само наличие подобных систем у одной из сторон конфликта меняет психологию другой стороны, провоцируя ее на асимметричные ответы, такие как терроризм или кибератаки. Геополитический аспект, в свою очередь, подчеркивает, что дроны стали инструментом «дешевого империализма», позволяя государствам вмешиваться в конфликты с минимальными издержками для внутренней аудитории, но с катастрофическими последствиями для стабильности целевых регионов [15. С. 4-6].

Особую тревогу вызывает трансформация самой логики сдерживания, которая смещается от угрозы неизбежного возмездия к концепции «наказания через отрицание» (deterrence by denial) и перманентному силовому давлению. Традиционное ядерное сдерживание базировалось на психологии страха перед полным уничтожением, тогда как «дрон-сдерживание» оперирует категориями точечного воздействия и постоянного присутствия, что парадоксальным

образом может делать войну более приемлемой и «бесконечной». Отсутствие риска потери экипажа устраняет мощный внутренний сдерживающий фактор для политиков, делая решение о нанесении удара вопросом бюрократической процедуры, а не экзистенциального выбора. Это ведет к эрозии табу на агрессию и нормализации состояния «ни мира, ни войны» [7. С. 3-4].

Сложность ситуации усугубляется тем, что распространение технологий происходит не только по вертикали (среди государств), но и по горизонтали, захватывая негосударственных акторов, что фундаментально меняет структуру угроз. Если ранее монополия на военно-воздушные силы была маркером государственного суверенитета, то теперь квазигосударственные образования и террористические группировки получают доступ к средствам доставки взрывчатых веществ по воздуху. Это требует пересмотра классических моделей безопасности, которые не были рассчитаны на ситуацию, когда стратегический ущерб может быть нанесен дешевым коммерческим дроном, переоборудованным в кустарных условиях. Различия в восприятии этих рисков между государственными и негосударственными акторами представлены далее (табл. 2).

Таблица 2. Сравнительная характеристика стратегий применения БПЛА государственными и негосударственными акторами

Параметр анализа	Государственные акторы (State Actors)	Негосударственные акторы (Non-State Actors)
Стратегическая цель	Поддержание статуса кво, принуждение к переговорам, уничтожение ключевых целей, разведка	Дестабилизация обстановки, провокация непропорционального ответа, информационно-психологическое воздействие
Оперативная логика	Интеграция в общевойсковые операции, соблюдение (формальное) правил ведения войны, централизованное управление	Тактика роя, использование гражданской инфраструктуры как прикрытия, децентрализованное управление, партизанские методы
Ресурсная база	Высокотехнологичные дорогие платформы, спутниковая связь, профессиональные операторы	Коммерческие технологии двойного назначения (COTS), кустарная модификация, доступность и массовость
Влияние на стабильность	Двойственное: укрепление обороны vs гонка вооружений и риск эскалации	Однозначно дестабилизирующее: размывание монополии государства на насилие, непредсказуемость

Анализ данной дифференциации позволяет утверждать, что демократизация технологий уничтожения ведет к асимметрии нового типа, где технологическое

превосходство регулярной армии не гарантирует победы или безопасности. Негосударственные акторы используют БПЛА не для достижения военного паритета, а для создания атмосферы хаоса и уязвимости, что является классическим инструментом террора, теперь усиленного воздушным измерением. Экономическая эффективность использования дронов повстанцами ставит под угрозу дорогостоящие системы ПВО, вынуждая государства тратить несоизмеримо большие ресурсы на защиту, что является формой экономического истощения [5. С. 10-15].

Глобальное распространение подобных практик меняет саму ткань международных отношений, превращая технологии в самостоятельный субъект политики, диктующий свои правила игры. Государства вынуждены адаптировать свои доктрины не только под равных противников, но и под гибридные угрозы, где дрон становится символом уязвимости национальных границ. Это приводит к ужесточению режимов внутреннего контроля и расширению полномочий силовых структур, что также имеет гуманитарное измерение, связанное с правами граждан на приватность и безопасность. Взаимодействие между технологическим прогрессом и этическими нормами создает напряжение, которое невозможно снять старыми методами регулирования [23. С. 118-129].

Этическая плоскость проблемы является, пожалуй, наиболее сложной для кодификации, так как она затрагивает фундаментальные вопросы о праве человека на жизнь и о том, кто и как принимает решение о лишении этого права. Автономизация систем вооружения, являющаяся логичным продолжением развития беспилотных технологий, ставит человечество перед выбором между эффективностью алгоритмов и моральной ответственностью субъекта. Гуманитарные концепции, призванные ограничивать жестокость войны, сталкиваются с феноменом «алгоритмической войны», где скорость принятия решений исключает возможность полноценной моральной рефлексии в реальном времени. Обзор основных этических позиций по данному вопросу необходим для понимания глубины кризиса нормативных систем (табл. 3).

Таблица 3. Обзор этико-философских концепций
в отношении автономных летальных систем и БПЛА

Направление мысли	Основной тезис	Аргументация	Критика и ограничения
Утилитаризм	Применение БПЛА этично, если оно спасает жизни своих солдат и минимизирует сопутствующий ущерб (collateral damage)	Точность ударов снижает число жертв среди гражданских по сравнению с ковровыми бомбардировками или артиллерией	Игнорирует долгосрочные психологические последствия, снижает порог начала войны (jus ad bellum), риск ошибок алгоритмов

Направление мысли	Основной тезис	Аргументация	Критика и ограничения
Деонтология	Делегирование права на убийство машине аморально по своей сути, независимо от эффективности	Человеческое достоинство требует, чтобы решение о жизни и смерти принимал человек, способный к состраданию	Трудно применимо в условиях тотальной войны, где скорость реакции определяет выживание нации
Теория справедливой войны	БПЛА должны соответствовать принципам дискриминации (различения) и пропорциональности	Технологии должны служить соблюдению норм МГП, а не их обходу; ответственность всегда лежит на операторе/командире	Размывание ответственности в сложных человеко-машинных системах, проблема «грязных рук» на дистанции
Техно-гуманизм	ИИ и роботы могут быть более «гуманными», чем люди, так как лишены эмоций страха и мести	Машины не совершают военных преступлений из-за ярости или паники, строго следуют программе	Отсутствие морального суждения и контекстуального понимания ситуации, невозможность апелляции к милосердию

Дискуссия, отраженная в таблице, показывает, что технологический оптимизм утилитаристов сталкивается с жесткими контраргументами деонтологического характера, указывающими на потерю человеческой субъектности в войне. Аргумент о «гуманности» точного оружия разбивается о реальность, где статистика «сопутствующего ущерба» часто занижается, а критерии определения цели становятся все более размытыми благодаря алгоритмам обработки больших данных. Дегуманизация противника, превращаемого в набор пикселей на экране оператора, находящегося за тысячи километров, создает психологический барьер для эмпатии, что является опасным сдвигом в общественном сознании [25. С. 27-32].

Важно отметить, что этические споры не являются отвлеченным теоретизированием, а имеют прямое влияние на легитимность применения силы. Если общество перестает воспринимать действия своей армии как справедливые из-за методов ведения войны, это подрывает внутреннюю стабильность государства. С другой стороны, полный отказ от автономных технологий может поставить государство в заведомо проигрышное положение перед лицом менее щепетильного противника, что создает классическую дилемму безопасности. Баланс между этикой и необходимостью выживания становится все более шатким [1. С. 402-405].

Обобщая массив данных, полученных в ходе анализа технологических, геополитических и этических аспектов, можно констатировать формирование

новой реальности, где стабильность является динамической, а не статической величиной. Взаимосвязь между доступностью ударных средств и вероятностью конфликта перестает быть линейной; возникает сложная система сдержек, основанная не на договорах, а на взаимной уязвимости инфраструктуры и общества. Технологии БПЛА, изначально создававшиеся как вспомогательные средства, трансформировались в фактор, определяющий архитектуру безопасности, при этом институциональные механизмы контроля безнадежно отстали от реальности «на земле» и «в воздухе». Мы наблюдаем не просто эволюцию вооружений, а сдвиг парадигмы, где традиционные понятия победы, поражения и поля боя теряют свои четкие очертания, уступая место перманентному противостоянию в физическом и информационном доменах.

Выводы. Трансформация глобальной стратегической стабильности под воздействием распространения беспилотных технологий ставит перед международным сообществом ряд вызовов, которые невозможно решить в рамках существующих правовых парадигм. Женевские конвенции и дополнительные протоколы к ним, создававшиеся в эпоху индустриальных войн, не содержат четких ответов на вопросы ответственности за действия автономных систем или статуса операторов, находящихся вне зоны боевых действий. Правовой вакуум создает предпосылки для злоупотреблений, когда государства могут интерпретировать нормы международного гуманитарного права в свою пользу, оправдывая внесудебные казни и нарушения суверенитета технологической необходимостью или борьбой с терроризмом. Это ведет к эрозии всей системы международного права, которая из универсального регулятора превращается в инструмент политической риторики, утрачивая свою сдерживающую функцию.

Перспективы применения полученных результатов анализа указывают на необходимость разработки принципиально новых механизмов контроля над вооружениями, которые бы учитывали не только количественные показатели (число носителей и боеголовок), но и качественные характеристики, такие как степень автономности и возможности двойного назначения. Традиционные режимы нераспространения, такие как РКРТ, демонстрируют низкую эффективность в отношении технологий, которые легко могут быть переданы в виде программного кода или коммерческих компонентов. Будущее стратегической стабильности, вероятно, будет зависеть от способности ведущих держав выработать «кодекс поведения» в сфере применения БПЛА и ИИ, который бы установил «красные линии», переход за которые считается недопустимым. Без такого консенсуса мир рискует погрузиться в состояние хаотичной гонки вооружений, где каждое новое технологическое достижение будет восприниматься как экзистенциальная угроза.

Неизбежность дальнейшей интеграции искусственного интеллекта в системы управления БПЛА требует также переосмысления роли человека в контуре принятия решений. Сохранение значимого человеческого контроля должно стать не просто этическим пожеланием, а императивной правовой

нормой, закрепленной в обязывающих международных документах. Это требует междисциплинарного диалога между военными, юристами, философами и разработчиками технологий для поиска баланса между военной эффективностью и гуманитарными ценностями. В противном случае, технологическая сингулярность на поле боя может привести к сценариям, где эскалация конфликта будет происходить со скоростью, превышающей когнитивные способности политического руководства к реагированию, что делает войну неуправляемым процессом с непредсказуемым финалом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Абрамов В.И.** Глобальные тенденции и траектории технологического развития // Экономические науки. 2009. № 60.
2. **Алаудинов А.А.** Современные подходы ведения гибридных войн США, Великобритании, Франции, Германии // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 3.
3. **Алаудинов А.А., Манойло А.В.** Когнитивная и ментальная составляющие современной гибридной войны // Вопросы политологии. 2024. № 2.
4. **Афанасьев М.В., Мясникова Л.А.** Время глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 10.
5. **Бетелин В.Б., Велихов Е.П.** О задачах академического сектора науки России в реализации стратегии научно-технологического развития Российской Федерации в области информационных технологий // Вестник кибернетики. 2017. № 1 (25).
6. **Глазьев С.Ю.** Стратегия экономического развития России в условиях глобальных технологических изменений // Философия хозяйства. 2007. № 3 (51).
7. **Гусев Б.В.** Приоритетные технологии в стратегии инновационно-технологического прорыва в экономике России // Конструкции из композиционных материалов. 2004. № 4.
8. **Данилин И.В.** Глобальная диффузия технологий // Международные процессы. 2008. Т. 6. № 3 (18).
9. **Душкова Н.А.** Вызов глобализации и перспективы российской экономики // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2002. № 9-1.
10. **Закиров Б.Б.** Перспективы взаимодействия Шанхайской организации сотрудничества и Организации Объединенных Наций в борьбе с современными вызовами и угрозами безопасности // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. № 5.
11. **Елизаветин М.Е.** Россия перед вызовами глобализации // Современная Европа. 2005. № 4 (24).
12. **Иванов Н.** Глобализация и проблемы оптимальной стратегии развития // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 2.

13. Капица Л. Еще раз о глобализации // Мировое и национальное хозяйство. 2011. № 4 (19).
14. Медведев Н.П. Неклассические войны: современные подходы к ведению гибридных войн. Часть 1 // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 2.
15. Медведев Д.А. Россия и глобализирующийся мир: модернизация стратегии взаимодействия // Экономика и управление. 2008. № 3 (35).
16. Муравых А.И., Никитенко Е.Г., Стародуб И.В. Интегральная мировая война (Часть 1) // Вопросы политологии. 2025. № 3.
17. Никитин К.А. Международный терроризм: опыт стран Содружества независимых государств // Вопросы политологии. 2025. № 6.
18. Рунов Б.А. Информационные технологии в условиях глобализации // Вестник Российской академии сельскохозяйственных наук. 2007. № 5.
19. Слизовский Д.Е., Медведев Н.П. Информационные, гибридные и прокси-войны: обзор новейших исследований // Вопросы политологии. 2024. № 12.
20. Сурма И.В. Стратегия военного доминирования НАТО на основе развития потенциала искусственного интеллекта // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. № 5.
21. Тушков А.А., Тихонов М.Л., Романюк А.А., Немчанинов А.С. Современная военно-технологическая сфера и искусственный интеллект: роль место России в мировой конкуренции // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. № 7.
22. Хоперская Л.Л. Евразийская безопасность: концепции и инициативы // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 1.
23. Цветков М.В. Применение глубоких сверточных сетей для идентификации скрытых сигналов управления дронами в условиях городского радиочастотного шума // Академический исследовательский журнал. 2025. Т. 3. № 3.
24. Чешков М.А. Глобальные проблемы, глобализация и глобалистика // Международные процессы. 2005. Т. 3. № 3 (9).
25. Шевченко И.В., Логинов А.Е. Энергетические стратегии в условиях глобализации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2006. Т. 2. № 6 (9).

SUN GUANGYA

Bachelor, Moscow State University
University named after M.V. Lomonosov,
Moscow, Russia

ON THE DUAL INFLUENCE OF THE PROLIFERATION OF UAV TECHNOLOGIES ON GLOBAL STRATEGIC STABILITY

The article examines the dual impact of the proliferation of unmanned aerial vehicles on global strategic stability amid a polycentric international system and accelerating technological dynamics. It is shown that the evolution of UAVs from reconnaissance platforms to strike and partially autonomous systems blurs the boundaries between tactical and strategic force employment, engendering strategic uncertainty and «gray zones» in international law. The multifunctionality of drones complicates the interpretation of an adversary's intentions and heightens the risks of erroneous escalation, while the diminished politico-psychological cost of force employment due to the absence of crew risks fosters the normalization of permanent coercive pressure. Particular attention is given to the redistribution of capabilities favoring small states and non-state actors, for whom commercial components and mass deployment serve as instruments of destabilization and economic attrition against opponents. Concurrently, the potential stabilizing role of unmanned systems as tools for monitoring and verification is underscored, contingent on established trust regimes. The inadequacy of existing arms control mechanisms is substantiated, along with the necessity for normative entrenchment of meaningful human control in the lethal decision-making loop.

Key words: global politics, polycentric world system, UAVs, strategic stability, escalation, arms control, autonomous systems, small states, non-state actors, international law.